

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ В РЕДАКЦИЮ «СВИСТКА»

I

В редакции «Свистка» получена из Москвы «Дружеская переписка Москвы с Петербургом», при следующем письме:

«Мм. гг.!

Хотя еще незабвенный поэт наш Александр Сергеич сказал:

И перед младшею столицей⁸⁴
Главой склонилася Москва,
Как перед юною царицей
Порфиросная вдова;

но мы видим, что старушка Москва до сих пор не перестает оспаривать у красавца Петербурга пальму первенства в сердце русского. Многие светила нашего литературного горизонта принимали на себя сладостный труд заявления признательных русских чувств к этому священному хранилищу отечественных воспоминаний. Довольно упомянуть имена Ф. Н. Глинки,

С. П. Шевырева, М. А. Дмитриева, Н. В. Сушкова, Н. В. Берга, графини Евдокии Растопчиной, Каролины Павловой, Авдотьи Глинки⁸⁵, чтобы оживить в памяти и сердце каждого истинно русского высокие вдохновения, посвященные стенам Кремля, Поклонной горе, Марьиной роще, московским цыганам, царю—

колоколу, Ивану великому, квасам и кулебякам и т. д. Северная Пальмира, практическая и холодная красавица, не имела высокого счастья внушить столько вдохновенных гимнов тем из своих обитателей, которые пылают божественным пламенем поэзии. Но зато обильно было число *сравнений* создания Великого Петра с древнею столицею⁸⁶ царей московских. Все подобные сравнения, сколько нам известно, были с пламенным энтузиазмом принимаемы всеми благородными сердцами, которые лукавою наукою Запада не доведены еще до жалкого индифферентизма ко всему родному и в которых светоч чистой веры не погас во тьме лжеумствований кичливого разума. Не все из упомянутых нами сравнений появились в печати⁸⁷; между прочим ненапечатанною остается и предлагаемая «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». Она попала ко мне в руки от самого автора «Московского стихотворения», и он дозволил мне украсить им страницы вашего * ..... издания. Посылаемые два письма составляют, по всей вероятности, только начало переписки, которая обещает быть не только любопытною, но и поистине отрадною для патриотического наблюдения. Уже в первых письмах вы видите, с одной стороны, широкую, сильную, размашистую русскую натуру, не знающую никаких деликатесов и модных изворотов, режущую правду-матку прямо, без обиняков, с виду несколько грубоватую, но глубоко основательную, берущую дело с корня, с самого начала северной столицы, и в конце письма возвышающуюся до трогательного лиризма, до трагизма истинно шекспировского; с другой стороны — пред вами прилизанный франтик с дешевенькой иронией, поддельным скептицизмом, с затверженными,

---

* Тут были обычные комплименты, которые мы, по скромности, выкинули. — *Ред. «Свистка».*

пошлыми замашками, с виду как будто приличный, но в сущности издевающийся над всем святым, силящийся бросить тень даже на такие события, как морозы 12-го года, издание «Русского вестника», педагогическую деятельность г. Киттары и пр., а между тем не смеющий даже и отвечать прямо москвичу, а обращающийся в своем ответе к какому-то третьему лицу и уж конечно петербуржцу!.. Здесь уже ясно для вас торжество московской, на русской почве выросшей и струею русского духа омытой родной жизни над чужеземным, чахлым произрастением невских берегов, искусственно выведенным по немецкому маниру. В следующих письмах преимущество это должно выказаться еще ярче. К сожалению, друг мой, автор московского стихотворения, по московскому обычаю, — что греха таить! — ленивенек и нескоро соберется, а пожалуй и вовсе не соберется отвечать петербургскому приятелю. А уж если б собрался — то-то бы его отделал!!

Позвольте по крайней мере надеяться, что вы не упустите случая предать гласности прекрасное произведение московской музыки, еще более получающее цены от присоединения к нему легкомысленного петербургского ответа.

«Примите, и пр.

N.

100

Прочитав «Переписку», мы пожелали узнать время ее происхождения, о котором ничего не говорится в полученном нами письме. Мы полагали, что время это можно определить по библиографическим данным, находящимся в переписке, и для этого обратились за

помощию к весьма серьезному и усидчивому, хотя и непризнанному библиографу г. Лайбову⁸⁸. Г. Лайбов взял «Переписку» и, по своей библиографической натуре, не удержался, чтоб не составить к обоим стихотворениям ученых и весьма обширных библиографических примечаний. Мы пришли в ужас, увидавши, как два тоненькие листика превратились в руках его в продолжение двух дней в толстую тетрадь, в которой, однако, определения времени—то и не было. Печатать все примечания оказалось невозможно: они бы составили около 20 печатных листов; но, не желая доводить до отчаяния скромного труженика, и без того уже всеми отвергнутого, мы выбрали некоторые примечания, сократили их и печатаем в виде образчика, собственно для утешения г. Лайбова и для тех, кого это дело касаться может⁸⁹.

ДРУЖЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА МОСКВЫ С ПЕТЕРБУРГОМ

1

МОСКОВСКОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ

На дальнем севере⁽¹⁾, в гиперборейском крае⁽²⁾,
Где солнце тусклое, показываясь в мае,
Скрывается опять до лета в сентябре, —⁽³⁾
Столица новая возникла при Петре⁽⁴⁾.
Возникнув с помощью чухонского народа⁽⁵⁾
Из топей и болот⁽⁶⁾ в каких—нибудь два года,
Она до наших дней с Россией не срослась:
В употреблении там гнусный рижский квас⁽⁷⁾,
С немецким языком там перемешан русский⁽⁸⁾
И над обоими господствует французский⁽⁹⁾,

**А речи истинно народный оборот
Там редок столько же, как честный патриот⁽¹⁰⁾!**

**Да, патриота там наищешься со свечкой:
Подбиться к сильному, прикинуться овечкой,
Местечка теплого добиться и потом
Безбожно торговать и честью и умом —
Таков там человек! Но, впрочем, без сомненья,
Спешу оговорить, найдутся исключенья.
Забота промысла о людях такова,
Что если где растет негодная трава,
Там есть и добрая: вот например Жуковский, —
Хоть в Петербурге жил, но был с душой
московской⁽¹¹⁾.**

**Театры⁽¹²⁾ и дворцы, Нева и корабли,
Несущие туда со всех концов земли⁽¹³⁾
Затеи роскоши⁽¹⁴⁾, музеи просвещения,
Музеи древностей — «все признаки ученья»⁹⁶**

101

**В том городе найдешь; нет одного: души⁽¹⁵⁾!
Там высох человек, погрязнув в барыши⁽¹⁶⁾;
Улыбка на устах, а на уме коварность:
Святого ничего — одна утилитарность⁽¹⁷⁾!**

**Итак, друзья мои! клянуп тщеславный град!
Рыдаю и клянуп... Прогрессу он не рад.
В то время, как Москва надеждами пылает,
Он погружается по-прежнему в разврат
И против гласности стишонки сочиняет⁽¹⁸⁾!...**

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ПОСЛАНИЕ

Ты знаешь град,⁽¹⁹⁾ заслуженный и древний,
Который совместил в свои концы
Хоромы, хижины, посадки и деревни,
И храмы божины, и царские дворцы⁽²⁰⁾?
Тот мудрый град, где смелый провозвестник
Московских дум и английских начал⁹⁸,
Как водопад, бушует «Русский вестник»⁽²¹⁾,
Где «Атеней», как ручеек, журчал⁽²²⁾¹⁰⁰.

Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Ученый говорит: тот град славнее Рима⁽²³⁾,
Прозаик «сердцем родины» зовет⁽²⁴⁾,
Поэт гласит «России дочь любима»⁽²⁵⁾,
И «матушкою» чествует народ⁽²⁶⁾.
Недаром, нет! Невольно брызжут слезы
При имени заслуг, какие он свершил:
В 12–м году такие там морозы
Стояли, что француз досель их не забыл⁽²⁷⁾.

Ты знаешь град? Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Достойный град! Там Минин и Пожарский
Торжественно стоят на площади⁽²⁸⁾¹⁰⁵.
Там уцелел остаток древнебарский
У каждого патриция в груди⁽²⁹⁾.
В купечестве, в сословии дворянском
Там бескорыстие, готовность выше мер⁽³⁰⁾;
В последней ли войне⁽³¹⁾, в вопросе ли
крестьянском⁽³²⁾

**Мы не один найдем тому пример...
Ты знаешь град? — Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!**

**Волшебный град! Там люди в деле тихи,
Но говорят, волнуются за двух⁽³³⁾,
Там от Кремля, с Арбата и с Плющихи
Отвсюду веет чисто русский дух⁽³⁴⁾;
Всё взоры веселит, всё сердце умиляет,
На выпсренный настраивает лад —**

102

**Царь—колокол лежит, царь—пушка не стреляет⁽³⁵⁾
И сорок сороков без умолку гудят⁽³⁶⁾.
Волшебный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!**

**Правдивый град! Там процветает гласность,
Там принялись науки семена⁽³⁷⁾,
Там в головах у всех такая ясность⁽³⁸⁾,
Что комара не примут за слона.
Там, не в пример столице нашей Невской,
Подметят все — оценят, разберут:
Анафеме там предан Ч*⁽³⁹⁾
И Кокорева ум нашел себе приют⁽⁴⁰⁾!
Правдивый град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!**

**Мудреный град! По приговору сейма
Там судятся и люди и статьи⁽⁴¹⁾¹⁰⁸;
Ученый Бабст стихами Розенгейма
Там подкрепляет мнения свои⁽⁴²⁾,**

Там сомневается почтеннейший Киттары¹⁰⁹:
Уж точно ли не нужно сечь детей⁽⁴³⁾?
Там в Хомякове чехи и мадьяры
Нашли певца народности своей⁽⁴⁴⁾.
Мудреный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Разумный град! Там Павлов Соллогуба⁽⁴⁵⁾,
Байборода Крылова обличил⁽⁴⁶⁾¹¹⁰,
Там *** был поражен сугубо⁽⁴⁷⁾¹¹¹,
Там сам себя Чичерин поразил⁽⁴⁸⁾¹¹².
Там что ни муж — то жаркий друг прогресса⁽⁴⁹⁾.
И лишь не вдруг могли уразуметь:
Что́ на пути к нему вернее — пресса⁽⁵⁰⁾
Или умно направленная плеть?
Разумный град! Туда, туда с тобой
Хотел бы я укрыться, милый мой!

Серьезный град! Науку без обмана,
Без гаерства искусство любят там⁽⁵¹⁾,
Там область празднословного романа
Мужчина передал в распоряженье дам⁽⁵²⁾¹¹⁵.
И что роман? Там поражают пьянство⁽⁵³⁾,
Устами Чаннинга о трезвости поют⁽⁵⁴⁾¹¹⁶.
Там люди презирают балаганство
И наш «Свисток» проклятью предают⁽⁵⁵⁾.
Серьезный град! Туда, туда с тобой
Нам страшно показаться, милый мой!

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

⁽¹⁾ 59°, 56', 31'' сев. ш. и 27°, 57', 58'' долг. (См. *Dictionnaire général de biographie et d'histoire, etc, etc...* p. Ch. Dezobry et Th. Bachelet). Согласно с ним показывает и *Dictionnaire universel*, p. Bouillet: 59°, 56' с. ш. и 27°, 58' д. Но в географии Ободовского (стр. 120) показано 59°, 57' с. ш. и 47°, 59' д. И после этого еще верят иностранным справочным словарям в сведениях о России!!! На 20° соврали два лучшие справочные словаря, и им ничего! Никто не обращает внимания, даже не обличит ошибку, не предостережет соотечественников от покупки таких словарей!.. А между тем

Какой бы шум вы подняли, друзья,
Когда бы сделал это я! —

как говорит знаменитый баснописец (Басни И. А. Крылова, СПб., 1856 г., стр. 160).

⁽²⁾ Гипербореи — должно быть греческое слово, а черт его знает, что оно значит, как говорит Ляпкин–Тяпкин у Гоголя (см. Соч. Гоголя, т. II, стр. 351). Хорошо еще, если варвары, а может и того хуже. Впрочем, известно, что греки называли гипербореями все народы, жившие на север от Фракии (Маннерт. *Geographie der Griechen*, т. IV, стр. 48). Шведский профессор Олаф Верелий утверждал, что гипербореи жили в Швеции (см. *Atlantica*, т. 1, стр. 367). Карамзин говорит, что мы, русские, также могли бы объявить права свои на сию честь и славу (Карамзин, т. 1, прим. 4). Любопытные могут найти пространные рассуждения о гипербореях в статьях академиков Байера и Фишера (*Mém. de l'Academie des inscript*, т. X, стр. 176).

(3) 1 мая солнце в Петербурге восходит в 3 ч. 28 м., а заходит в 8 ч. 26 м. А 13 сентября — восходит в 5 ч. 49 м. и заходит в 5 ч. 53 м., следовательно светит только четыре минуты!!! (См. Месяцослов на 1859 г.)⁹⁰.

(4) Возникла в 1703 году!

(5) Не одного чухонского, ибо вот историческое свидетельство: «Корелы, олончане, новгородцы (это уж не чухонцы!), также пленные шведы, козаки, татары, калмыки (разве и это чухонцы, московский поэт?) и тысячи разноплеменных (видите ли: *разно* племенных) людей прибыли сюда (к устью Невы), по голосу царя, со всех частей его обширных владений». Так рассказывается о строении Петербурга в «Истории Петра Великого» Ламбина, стр. 319.

(6) «Из тьмы лесов, из топи болот» — стих Александра Сергеевича (См. Соч. Пушк. изд. Исакова, т. II, стр. 304).

(7) Ясно, из вывесок на каждой почти мелочной лавочке. (См. об этом также статью Фаддея Булгарина «Петербургская чухонская кухарка», в «Библ. д. чт.», 1834 г., № 10, и всякой номер «Всякой всячины» в прежней «Северной пчеле»)⁹¹.

(8) Это видно, между прочим, из стихотворения барона Розена «Небосвод», помещенного в «Литер. приб.» в «Рус. инв.», 1837 г., № XI, и из исследований Фомы Костыги, помещавшихся в «Маяке» 1845 г.⁹² Ныне по их следам пошел г. Розенгейм, изобретающий, как недавно мы видели («Отеч. зап.», 1860 г., № 1), слова, вроде *скандальности, либеральности* и пр., и г. Лавров в своих философских исследованиях⁹³.

(9) Об этом есть любопытная книжечка: «Оставшееся после покойного NN рассуждение об опасности и вреде, о пользе и выгодах от французского языка, в сравнении его с российским. Москва. В Унив. типогр. 1817». Книга эта редка; но многие мысли, изложенные в ней, можно

читать в гораздо более общедоступной статье Н. Ф. Павлова «Вотяки и г. Дюма» («Рус. вест.», 1858 г., № 16).

104

⁽¹⁰⁾ Совершенная правда! На днях мы видели блистательное доказательство этого неумения петербургских жителей правильно выражаться по-русски. В протоколе 13-го заседания Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым напечатано, в пункте 8-м, следующее: «Если в каждом образованном человеке значительно развито чувство благородной деликатности, *запрещающей* не только *не напрашиваться* на пособие, но и *стыдливо принимать* пособие добровольное, то оно должно быть еще сильнее развито в человеке, посвятившем себя литературе или науке» (см. СПб. и Москов. ведом.). Может ли хоть один москвич допустить такое выражение, явно извращающее смысл речи? *Чувство деликатности запрещает не напрашиваться! Запрещает стыдливо принимать!!!*. Боже мой! Да где же г. Покровский с своим памятным листком ошибок⁹⁴ в русском языке? Где А. Д. Галахов⁹⁵, который так громил, бывало, Греча и Ксенофонта Полевого? Хоть бы он вразумил этих петербургских литераторов, не умеющих писать по-русски со смыслом!!!

⁽¹¹⁾ Слова поэта нужно ограничить: есть положительное свидетельство о московитстве Жуковского: Так, в речи о значении Жуковского, г. Шевырев говорит: «по месту воспитания Жуковский наш» («Москв.», 1853 г., № 2, стр. 79). И далее приводит замечательное обстоятельство: «В стенах Москвы,

готовившей себя на костер сожжения за всю землю русскую, Карамзин, от прошедшего возвращаясь к настоящему, в доме графа Ростопчина вдохновенно пророчил гибель Наполеону и, сам не будучи в силах сесть на коня и примкнуть к армии, благословил на войну Жуковского» (там же, стр. 84). Плодом этого и вышел «Певец во стане русских воинов», а потом еще и «Певец в Кремле»!..

⁽¹²⁾ Закрываются на первой неделе поста (см. афиши).

⁽¹³⁾ Стихи Александра Сергеевича: (Соч. т. II, стр. 305).

... Корабли

Толпой со всех концов земли

К богатым пристаням стремятся.

⁽¹⁴⁾ «От роскоши и развращения нравов» пали все древние государства (см. Всеобщ. Ист. Кайд., ч. 1, стр. 8, 11, 23 и пр.).

⁽¹⁵⁾ Не совсем справедливо даже с московской точки зрения: по исследованиям г. Пейзена (см. «Совр.», 1858 г., № V), в петербургский порт в 1856 г. одного шампанского привезено было 916287 бутылок!

⁽¹⁶⁾ Доказывается недавним случаем подделки кредитных билетов (см. «СПб. вед.», № 55)⁹⁷.

⁽¹⁷⁾ Заимствовано из статьи г. Колошина «По поводу американской женичины», в «Утре» 1859 г.

⁽¹⁸⁾ Капитальное обвинение против «Свистка», из которого можно бы здесь и цитаты привести, если бы не совестно было говорить о нем степенному исследователю, особенно же трудящемуся на скромном и неблагодарном, но истинно полезном поприще библиографии...

⁽¹⁹⁾ Очевидное подражание гётевскому: «Kennst du das Land?»

⁽²⁰⁾ А это подражание Ф. Н. Глинке, который, обращаясь к Москве, говорит:

Город пышный, город древний!
Ты вместил в свои концы
И посадки и деревни,
И хоромы и дворцы!

105

Стихотворение это первоначально было помещено в «Рус. вестн.», 1841 г. № 3, стр. 604—605. Но более известно оно из «Книги для чтения», которую зубрят гимназисты и в которой оно помещается обыкновенно на стр. 229.

⁽²¹⁾ Не тот «Русский вестник», в котором было напечатано стихотворение Ф. Н. Глинки: этот издавался в 1841 и 1842 гг. Гречем, Полевым и Кукольником в Петербурге. И не тот, который Сергеем Николаевичем Глинкою издавался⁹⁹ с 1808 по 1824 г. и вместо которого по временам выдавалось подписчикам «Новое детское чтение». Нет, тут разумеется «Русский вестник», шумно возникший в 1856 г., предъявивший уже русской публике новые таланты гг. Бай–Бороды, Громеки, Кокорева, Рачинского, Ржевского, Чичерина и пр. и пр., прекративший в России взяточничество, водворивший в душах аглицкое чувство законности, отстаивавший выкуп души крестьянской, проектировавший новую русскую общину, и пр.*

* Примечание это было у г. Лайбова в четыре листа печатных, с изумительными цитатами и сближениями. Но «Русский вестник» так общеизвестен, что мы решились выкинуть всю эту историю. Г. Лайбов может это напечатать, где хочет. — *Прим. ред. «Свистка».*

(22) «Атеней», впрочем, пред концом разговорился было и обругал Островского¹⁰¹; но, говоря классическим стихом г. Пилянкевича,—

Напрягся — изнемог, потек — и ослабел...

Объявление о его прекращении было последним усилием его мужества: здесь он, как известно, предупредил г. Ламанского с его знаменитою фразою, и затем величественно, непонятый, удалился со сцены.

(23) Здесь очевидно разумеется А. С. Хомяков, ибо никто кроме его не может быть у нас назван ученым *par excellence*^{**}: известно, что он писал и о философии («Русск. бес.», 1859 г., № 1), и о санскритском языке («Изв. II Отд. Акад. Наук», 1855 г.), и о живописи («Моск. сбор.», 1847 г.), и о сельских условиях («Москв.», 1842 г., № 6), и о юридических вопросах («Рус. бес.», 1858 г., № 1) — словом, обнял все ветви знаний человеческих. Но мы не знаем, чтобы он говорил, что Москва славнее Рима. Напротив, в знаменитом своем стихотворении «России» (которое почему-то, к сожалению, выкинуто из последнего издания «Хрестоматии» Галахова)¹⁰² говорит:

Славней тебя был Рим великий.

Но если значение имени «ученый» расширить, то есть придать его всякому, кто «был учен», то без всякого сомнения стих сей относится к г. Шевыреву, который в течение всей своей ученой карьеры до того проводил параллели между Россией и Италией, что наконец стал смешивать принадлежности обеих стран¹⁰³.

^{**} по преимуществу (франц.). — Ред.

⁽²⁴⁾ См., напр., многократное повторение этой фразы в предисловии к московскому сборнику «Утро». А если угодно, то можно припомнить и «Молву» 1857 г.

⁽²⁵⁾ Стихи действ. тайн. советника Ив. Ив. Дмитриева. (Соч. Дм. Ч. I, стр. 14).

**Москва, России дочь любима!
Где равную тебе сыскать?**

⁽²⁶⁾ В подтверждение этого можно привести стихотворение «Олег», напечатанное в «Молве», 1857 г., № 31, стр. 358.

106

**Олег, грамматик странный самый.
Род женский с мужеским смешал:
Всем русским городам упрямо
Он Киев матерью назвал.
Но Киев–матушка с нуждою
В народную ложилось речь;
Недолго мог он быть главою
И землю русскую стеречь.
Москва поправила ошибку,
Оправдан ею был Олег,
И видим мы, что речь незыбку
Про *мать градов* он древле рек.
Москва за Русь восстала мочно,
Нет счета порванным цепям,
И стала матерью точно
Она всем русским городам!...**

(27) Александр Сергеевич сказал, по уверению М. П. Погодина¹⁰⁴: («Москв.», 1841 г., № 1):

Полезен русскому здоровью
Наш укрепительный мороз.

А известно, что «что русскому здорово, то немцу смерть» — и французу, стало быть, тоже.

(28) Стоят — с 1818 года!

(29) Для примера смотри, хоть в «Молве», замечания К. С. Аксакова о значении Москвы: «В Москве преимущественно идет умственная работа; в ней древнейший русский университет. В ней силен интерес мысли и науки... Здесь пытается мысль выйти на самостоятельную дорогу, и если вновь станет наконец русский ум на свой настоящий путь, и мы, оторвавшаяся часть от русской народности, вновь придем к ней, и просвещение будет народным, то *этой нравственною победою Россия будет обязана деятельности мысли, возникшей в Москве*» («Молва», 1857 г., № 8). В pendant* к этому припомните знаменитую критику г. Рачинского на «Тысячу душ» («Рус. вест.», 1858 г., № 18), обвиняющую этот роман главное за то, что Калинович, столь дрянной человек, был студентом московского университета.

(30) Вот один поразительный пример. Г. Погодин в своих заграничных письмах рассказывает о себе: «Я рассказал Клемму со всеми подробностями о богатом вознаграждении, полученном мною от щедрот русского царя за свое собрание древностей, которое сделалось теперь на веки веков неотъемлемо сохранною собственностью отечественной науки. Немецкие ученые вне себя от удивления полумилionу рублей, который

* В дополнение (франц.). — Ред.

получил русский за свои посильные труды. «Halb million, potz tausend! Halb million! Das ist præchtig!»**
Признаюсь, с особенным удовольствием и гордостью старался я сообщить это известие кому только мог» («Москв.», 1853 г., № 16. Отр. из загр. пис., стр. 184).

⁽³¹⁾ См. патриотические стихотворения гг. Шевырева, М. Дмитриева, К. Павловой и пр. и пр.

⁽³²⁾ Об этом можно справиться в правительственном акте, который перепечатан, между прочим, и в «Современнике» 1858 г., № XI, Устр. б. пом. крест., стр. 17.

⁽³³⁾ Против этого хорошо возражает М. А. Дмитриев, в 37-й из «Московских элегий» («Москва», 1858 г.).

Добрая наша Москва! Говорят, что на старости
 любишь
 Сплетни ты слушать, молву распускать...
 Нет, уж то время прошло, и молва от тебя не
 исходит;
 Любишь на старости ты только спросить да
 послушать...

107

⁽³⁴⁾ Арбат и Плющиха — улицы в Москве; Кремль — памятник отечественной славы, о котором Ф. Н. Глинка выразился («Рус. вест.», 1841 г., № III):

Кто, силач, возьмет в охапку
 Холм Кремля—богатыря?

** «Полмиллиона, черт возьми! Положительно, это великолепно!» (нем.). — Ред.

Что же касается до «русского духа», то о нем можно получить понятие из объявления об издании «Русской беседы» на 1856 год.

(35) Кто царь–колокол подымет,
Кто царь–пушку повернет?

Стихи того же Ф. Н. Глинки («Р. вест.», 1841 г., № 3).

(36) Гудят действительно без умолку... И кроме того, по выражению Ф. Н. Глинки (см. там же):

На церквах Москвы старинных
Вырастают деревья!

(37) Принялись и прозябли¹⁰⁶, ибо после первой публичной лекции г. Бабста в Практической Академии (18 янв.) слушателям долго не давали шуб, как напечатано в 1–м и предпоследнем номере «Современности»¹⁰⁷. Шубы приехавших слушателей запрятали в отдельную комнату, перемешали порядок номеров и при разъезде стали выдавать их по одной, сквозь какое–то окошко. Народу было до 400 человек; каково же было на холоду дожидаться? Поднялся ропот; некоторые, более нетерпеливые, стали громко требовать своих шуб. В это время явился господин, заведывавший там порядком, и, подойдя к одному из претендентов на шубу, сказал с сознанием своего права и достоинства: «Если вы будете требовать вашу шубу, то не получите ее совсем». Эти слова так озадачили прозябшего господина, что он пришел в отчаяние». («Современность», № 1, стр. 28).

(38) В 1850 г. в Москве был 6 691 фонарь. (См. «Описание Москвы и ее достопримечательностей» И. Милютина. М. 1850 г., ч. II, стр. 297).

⁽³⁹⁾ Здесь разумеется, конечно, г. Чернышевский. В «Москвитяине», 1855 г., № 13—14, напечатано было о «Современнике»: «Современник», в котором сегодня позволяется ругать то, что вчера расхваливалось, в котором сегодня скажет дельное слово г. Дружинин, а завтра может быть, г. Чернышевский напишет тьму безвкусных и безобразных литературных ересей» (статья Аполлона Григорьева «Об отношении современной критики к искусству»).

⁽⁴⁰⁾ «Русском вестнике» (см. 1857 г., № 24, и так дальше...)

⁽⁴¹⁾ Об этом довольно хорошо было изложено в «Физиологии кружка» («Рус. вест.», 1857 г., № 9).

⁽⁴²⁾ Это случилось в «Атенее», 1858 г., № 46, стр. 297. Стихами г. Розенгейма подкрепляет ученый г. Бабст свои возражения какому-то господину, защищавшему откупа.

⁽⁴³⁾ Теперь уже не сомневается, а отчаивается. См. «Отч. Моск. Практ. Акад. за 1859 г.», стр. 39.

⁽⁴⁴⁾ О чехах г. Хомяков пел немало; они тревожат его даже во сне («Рус. бес.», 1856 г., № 1):

О Праге я с грустною думал отрадой,
О Праге мечтал, забываясь сном...

Что касается до мадьяров, то можно назвать мадьярскими разве следующие стихи его (там же):

... На Лабу, Мораву, на дальнюю Саву,
На Тиссу, на Дриссу, на Драву, Молдаву,
На шумный и синий Дунай...

(45) Бесплодны и неблагодарны новые библиографические указания

(46) факты, столь известные.

(47) Под *** здесь можно разуместь (так как дело идет об исторических личностях) или Сигизмунда, или же, что вероятнее, Наполеона, сугубо пораженного морозами и пожаром. Имя Наполеон не входит в стих; но вероятно надо читать — Бонапарт. Впрочем, можно читать и просто Наполеон, сокращая это слово по примеру знаменитого просодиста нашего, изучившего все сокращения и ударения, г. Шевырева, который в переводе «Валленштейнова лагеря» («Москва», 1859 г.) пишет для стиха: *себе н'уме* (стр. 25), *послуш'ка* (стр. 32), *посовет'ать* (стр. 59) и пр.

(48) В 1857 г. «Русский вестник» говорил (№ 8), что г. Чичерин «начал свое ученое поприще с таким блеском, с каким немногие завершают»; а теперь г. Чичерин пишет — в «Нашем времени!» (См. «Наше время», № 1, 1860 г.).

(49) Одним из таковых является, напр., в «Нашем времени» (№ 7) г. А. Забелин, неутомимо старающийся о прогрессе езды по железным дорогам. Так, он говорит: «бесконечно были бы благодарны все более образованные люди, если бы правительству угодно было приказать выставить на стенах вагонов всех классов печатные объявления, что в вагонах не позволено занимать лишних мест, против билетов; не позволено возить собак, есть рыбы, сыру, яиц и прочих веществ, распространяющих дурной запах; не позволено громко разговаривать, петь, свистать и вообще запрещается всякое беспокойство пассажиров; предписывается иметь всевозможное уважение к женщинам всех классов, и потому воспрещаются всякие

скандальные разговоры, двусмысленные остроты и шутки. Пьяных вовсе не принимать в вагоны. Все эти и подобные им правила могут не остаться мертвой буквою. Выполняется же теперь очень строго запрещение курить табак, который составляет одно из самых меньших неудобств, теперь встречающихся в вагонах. Мне возразят, что правительству нельзя же быть нянькой народа и следить за каждым его шагом. Конечно, свобода дороже и лучше всего, но что же делать, когда наше общество так дурно воспитано, что еще не умеет ею пользоваться как следует, и на свободе делает *всевозможные бесчинства*» (стр. 91). А далее описываются и самые бесчинства: «Около меня уселись какие-то двое стриженных пьяных молодцов, вроде купеческих приказчиков, которые *без церемонии вытащили из-под скамьи вонючую рыбу и начали уписывать за обе щеки* (какое в самом деле бесчинство!), как будто вагоны назначены быть харчевнями и как будто *наестся досыта какой угодно гадости нельзя было на открытом воздухе или в каком-нибудь другом месте! Наевшись своей рыбы, они принялись во все пьяное горло разговаривать о своих делах*» (стр. 92). Далее автор, как горячий поборник прогресса, рассуждает о том, как эти вещи делаются «во всем образованном мире». И как гуманно рассуждает!

⁽⁵⁰⁾ Толки о грамотности памятливы всем. А относительно телесного наказания, после всех споров, о которых не считаем нужным упоминать, вот что говорится в книжке «Вечера с разговором», недавно изданной в Москве графом Толстым¹¹³ (стр. 13): «Считаю нужным, не обязывая общин к *непрерывному телесному наказанию в известных случаях*, оставить меры взысканий на собственное их усмотрение, лишь бы не превышали законоположений; и они, где можно,

заменяют его денежным штрафом, тюремным заключением, заработкою, исключением из общины, отдачею в распоряжение правительства и чем-нибудь

109

в этом роде; а где нельзя, там употребят телесное наказание, и если только будет возможно, то употребят его, вероятно, не спрашиваясь ни юристов, ни филантропов, ни антропологов, не меряя длину розог, не подразделяя их на мужские, женские и детские, а просто, по пословице: *«душа меру знает»*, то есть — *ad libitum**. — По моим, может быть отсталым, понятиям *гораздо полезнее для человечества и прогресса* — дать несколько розог одному негодяю, нежели пустить по миру и развращать этим способом целое семейство его». Далее, все *«в пользу человечества и прогресса»*, автор вопиет (разгов. VI, стр. 19): «В стране, где лучшее развлечение — медвежья травля! Где лучшая потеха — кулачный бой! Где бурлаки порют суда, ставшие на мель, в полном убеждении, что *«палка — всему голова»!* Где само правительство не находит возможным изгнать из законов телесное наказание, — там не говорите мне о необходимости заменить его в *общинах!* — Я никогда не поверю вам!!! — Прогресс — должен быть общий! Должна быть — общая подготовка, общее умягчение нравов!.. А частности ни к чему не ведут, кроме бед!»

⁽⁵¹⁾ Пространно об этом см. в «Русском вестнике», 1857 г., № 6, в статье «Биограф-ориенталист» Н. Ф. Павлова^{III}.

⁽⁵²⁾ Каждая книжка «Русского вестника» служит тому подтверждением. (Тут у г. Лайбова были ужасные

* по собственному усмотрению (лат.). — Ред.

подробности на трех печатных листах, но мы их выкидываем и оставляем только заключение)... Итак Вахновская, Кохановская, Нарская, Громека, Ольга Н**., Павлова, Евгения Тур, Щербина, Жадовская, кроме того, по тщательным библиографическим розысканиям, — Тригорский, Криницкий, Марко Вовчок и даже сам Николаенко — вот женщины, украшающие «Русский вестник», и их-то женственное, смягчающее влияние, по всей вероятности, держит его постоянно в том светлом, розовом настроении, которому не мешают даже статьи гг. Ржевского, Бунге, Лешкова и самого Хвольсона.

⁽⁵³⁾ Там даже родилась, в *pendant* к стереотипной фразе: «в настоящее время, когда поднято так много общественных вопросов», и пр. — другая не менее сильная фраза: «*в настоящее время*, когда пьянство приняло такие широкие размеры» и пр. (см. «Моск. вед.», 1859 г., № 8).

⁽⁵⁴⁾ Впрочем, и Чаннингом занялась прежде всех дама — г-жа Евгения Тур («Рус. вестн.», 1858 г., № 8); а потом уже и мужская половина «Русского вестника» принялась за него и в прошлом году, в № 7, перевела из него статейку о том, что не должно пьянствовать и почему не должно.

⁽⁵⁵⁾ Здесь, вероятно, заключается указание на заметку, помещенную в 95 № «Моск. ведомостей» прошлого года. Теперь кстати будет припомнить ее всю целиком и с несколькими словами редакции «Ведомостей». Вот какой вид имеет эта заметка:

«Мы получили по поводу распространения трезвости следующее письмо:

Вы уже имели случай заметить, что, вполне сочувствуя обществам трезвости, вы желали бы, однако, чтобы дело обходилось без шпионства и телесных

наказаний, по крайней мере там, где помещики, как сословие более образованное, принимают непосредственно участие в этом деле. В свою очередь, вполне соглашаясь с вами, невольно задаешь себе вопрос: неужели это идеал недостижимый, мечта кабинетных людей и теоретиков, и в нашем благословенном отечестве люди вечно будут сечь друг друга, — и не только друг друга, но и женщин, — сечь по собственному, добровольному соглашению? Вот оно — влияние крепостного права и безграмотности!

110

А у нас еще есть господа*, без застенчивости печатающие, что наша литература, занимаясь вопросами о распространении грамотности, о телесных наказаниях и т. п., даже давая гласность некоторым общественным явлениям без прямого указания на лица, собственно повторяет только то, что и без нее известно. Впрочем, лучшая часть нашего общества умеет ценить этих господ по достоинству, и попытки литературного мальчишества и паясничества убить в литературе всякую живую связь с тою средой, которой она служит органом, никогда не могут иметь успеха. Многие вопросы, порешенные в Западной Европе и знакомые из книг десяти человекам в России, конечно не могли перейти в общее сознание там, где коренится и упорно держится во всем строе жизни крепостное право со всеми своими неисчислимыми последствиями. Если бы, считая все давно порешенным, наша литература ограничилась туманными выходками против неаполитанских изгнанников и т. п., то она утратила бы

---

* См. в апрельской книжке «Современника» статью «Русская литература» и балаганный отдел (возобновленный, вероятно, по случаю недавних праздников) под названием: «Свисток».

всякий смысл для русского общества. Это поймет всякий неглупый школьник, а у нас есть литераторы, не понимающие таких простых вещей! До какой степени невозможен успех попыток, о которых я сейчас говорил, показывает уже одно то, что в порядочных журналах Западной Европы решительно не принято иметь балаганные отделы, и что мы все, по-видимому, очень хорошо знаем это, а между тем все-таки не можем устоять против искушения — потешить публику, и при случае превратить свой журнал в «Весельчака». Отчего же это? Оттого, что в нашем обществе, даже в обществе литературном, еще не принялось западное понятие о литературе и общество еще бросается из одной крайности в другую, увлекая за собою и литературу, по крайней мере наименее серьезные ее органы».

Примите и пр.

Н. Ч.

В заключение, как серьезный и добросовестный библиограф, я должен объявить, что вполне соглашаюсь с мнением г. Н. Ч., в котором, однако, по моим изысканиям и соображениям, никоим образом не следует подозревать г. Н. Чернышевского¹¹⁷.

Dixi^{**}.

Н. Лайбов.

^{**} Я высказался (лат.). — *Ред.*